

предполагает усвоение родного языка, являющегося значимым элементом этнической идентичности, Погруженность индивида в этнокультурную среду формирует у них общие черты ментальности, общие мировоззренческие установки, сходную картину мира.

Устойчивые ценности этнической культуры являются фактором поддержки в нестабильном мире. Они дают поддержку и чувство защиты в условиях, когда глобализация приводит к утрате устойчивости многих социальных институтов. В условиях нестабильности человек обращается к ценностям этнической культуры, которая на протяжении веков проявила свою жизнеспособность, устойчивость своих норм, традиций, обычаев. Этнокультурная идентичность дает человеку чувство психологического комфорта, чувство защиты и поддержки в условиях глобализации.

Амбарова П.А.,
г. Екатеринбург

СИНХРОННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Проблемы современного российского общества, возникающие при вхождении в европейское, шире – западное, социокультурное пространство, можно осмысливать не только в технологическом, ценностно-нормативном и экономическом ракурсах. Необходимым представляется изучение также темпорального аспекта, что, на наш взгляд, раскрывает глубинные причины трудностей интеграции, показывает возможные перспективы взаимодействия культур.

Классики социологической мысли (П. Сорокин, А. Шюц) подчеркивали, что условием создания и поддержания социального порядка является синхронизация деятельности, социальных процессов. Общества не

могут сосуществовать более или менее гармонично, бесконфликтно без единства темпоральности. Формирование единого западного социокультурного пространства, захватившее и современную Россию, предполагает синхронизацию темпа и ритма развития различных социальных процессов как европейских, так и российской культур.

Об изменении темпоральности европейских культуры пока сложно говорить, поскольку асимметричность межкультурного взаимодействия налицо. Можно лишь предположить, что длительные контакты с представителями иных культуры, прежде всего мигрантских сообществ, затрагивают не только европейскую идентичность, но в какой-то мере могут повлиять и на другие характеристики европейской культуры, в том числе на ее темпоральность. В данной публикации остановимся на вопросе сохранения и изменения темпоральности российской культуры.

Темпоральность культуры проявляется не только в скорости, ритме, векторах разворачивания различных процессов, но и характере воспроизводства традиций в социокультурных практиках, темпоральном сознании, содержании темпоральных представлений и стереотипов, формирующихся в нем.

Темпоральные представления о прошлом, будущем и настоящем, их значимость служат аксиологическим основанием жизнедеятельности. Так, для российского общества, ориентированного на прошлое и одновременно на отдаленное будущее, настоящее остается транзитным состоянием, имеющим невысокую ценность. Это можно было бы назвать «темпоральной лакуной», т.е. реально существующим, но не осмысленным временем, не имеющим должного выражения в языке и других символических системах. Соответственно, в нем не живут, его *переживают*. О будущем россияне судят более оптимистично, чем о настоящем.

Прошлое также выступает значимым компонентом российской культуры. Традиции – это объект, к которому постоянно апеллируют россияне в своих социальных практиках. Показательна в этом отношении

рекламная коммуникация, использующая образы прошлого – исторических лиц, событий, истории фирмы – в качестве аргументов своей состоятельности, респектабельности, престижа. А ведь экономика и менеджмент быстрее всего подвергаются модернизации и вестернизации.

Время как объект рефлексии и инструмент и предмет социальных практик также определяет тип культуры. Для русской культуры время – это категория метафизическая, осмысление ее – удел ученых. Для человека западной культуры время притягивает не только научный интерес, но приобретает еще и прагматический смысл: это ресурс, который можно конвертировать (продать, купить, обменять), изменять, конструировать по усмотрению заинтересованного лица. Время – это «вещь», которая имеет не только ценность, но и рыночную цену.

Насколько прагматично отношение к времени в российской культуре, говорит отношение к планированию как функции управления и инструменту выстраивания жизненных стратегий индивида. На первый взгляд, в современном менеджменте организаций, ориентированном на западные модели, планированию уделяется достаточно серьезное внимание. В то же время анализ управленческой практики показывает, что план достаточно часто рассматривается как некий идеальный (если не сказать утопический) проект, а не точное руководство к действию и средство распределения ресурсов (часто встречаются высказывания: *«планы нужны руководству, а в реальности будем действовать по случаю»*, *«сначала год проживем, а планы потом напишем»*). Если говорить об индивидуальных практиках, то можно предполагать, что планирование (в том числе финансовое, планирование достижений, карьеры и пр.) не является распространенным способом темпорального самоопределения. Социологические исследования, в которых затрагивается этот аспект, не многочисленны и представляют противоречивые данные.

Разность временных параметров функционирования социокультурных систем была зафиксирована многими исследователями. Основоположник

теории межкультурных коммуникаций Э. Холл рассматривал время в качестве основы социальных отношений и отношений человека к миру в целом [1]. Исследования Г. Ховстеде показали чрезвычайную важность хронотопа в формировании ментальных программ, регулирующих поведение человека [2]. Так, различия темпомиров определяют специфику «социальных часов» и соответственно содержание понятия социального возраста.

Отношения между возрастными группами, так же как и гендерные отношения, являются одними из самых консервативных элементов культуры, поскольку они участвуют в построении и сохранении общего порядка социальной системы. Межкультурные различия в данных сферах воспринимаются наиболее интолерантно. Философские и культурологические исследования старости отражают культурную специфику в понимании возраста и предписанности возрастных моделей поведения. Труды Ф. Арьеса и М. Вовелля [3, 13], раскрывающие западноевропейский взгляд на старость, в то же время показывают его глубокую укорененность в общественном сознании современных поколений. В связи с этим культурную вариативность «социальных часов», характерных для геронтологической группы, можно рассматривать как важный фактор влияния на практику межкультурных заимствований.

По мнению того же Ф. Арьеса, отношение к смерти играет особую роль в формировании темпоральной картины мира той или иной социокультурной общности, и может пролить свет на отношение ее представителей к жизни и другим ценностям [3, 17]. Так, например, в западных культурах существует неформальное табу на тему смерти, а практика похорон почти лишена публичности, ритуальные действия минимизированы. Напротив, в традиционных культурах подготовка к смерти (духовная и практическая) играет ключевую роль в жизни пожилого человека, а деятельность по подготовке и осуществлению похорон институционализированна.

Новые для западных обществ представления о социальном времени «серебряного возраста» и складывающиеся на их основе социальная

политика и социальная практика активизации старшего поколения представляются эффективной стратегией укрепления социально-экономического и социокультурного потенциала общества. В то же время перспективы заимствования такой модели старости странами других регионов мира, в том числе Россией, выглядят несколько туманными.

В связи с необходимостью синхронизации социокультурной динамики возникает важный в теоретическом и практическом аспектах вопрос о механизмах и способах, обладающих простыми и в то же время эффективными способами конструирования темпоральных представлений и способных интегрировать социальную реальность.

Литература

1. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York, 1954.
2. Конева А. «Критерии Ховстеда»: культура имеет значения // Международный журнал исследований культуры. URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/theor/32-hofsted>.
3. Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977.

Гайкин В.А.,
г. Владивосток

ИЗУЧЕНИЕ ЯПОНИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Японцы всегда относились к изучению России (СССР) с максимальным усердием и отличными результатами. Делали они это всеми возможными (и невозможными) способами. Появление в секретной советской разведшколе в пригороде Владивостока (на ж.д. станции Санаторной) в 1942г. молодого